

Глава 2: Отец Лу Сяоя— Полагаю, вы уже в курсе, зачем я здесь, — проговорил Лу Дэшань, приподняв край шляпы, словно желая прикрыть от посторонних глаз свои хитрые, блестящие глаза. — Я прибыл, чтобы обсудить помолвку Сяолуна и Сяоя. Учитывая нынешнее состояние Сяолуна, что вы предлагаете сделать с помолвкой? В комнате Чжан Сяолун, неподвижно лежавший на кровати, слушал каждый звук, каждый шепот. Словно по волшебству, он словно проснулся, хоть и не мог двигаться, не мог говорить. В сельской местности помолвки заключались рано, а браки — еще раньше. Многие обзаводились семьями и детьми, не успев толком повзрослеть. Родители и раньше намекали ему об этом, но Чжан Сяолун, увлеченный мечтой о поступлении в университет, не придавал этому значения. Он не мог и предположить, что обе семьи уже приняли решение за него, за его будущее. — Если вы хотите расторгнуть помолвку, так и скажите! — выпалил Чжан Данью, глядя на Лу Дэшаня с нескрываемым беспокойством. — Чжан Дэшань, я не это имел в виду, — ответил Лу Дэшань, пытаясь придать своему голосу спокойствие, хотя его маленькие глаза бегали по сторонам, словно он боялся, что его обманут. — Что значит, "хочу расторгнуть"? Если твой сын не проснется, неужели ты думаешь, что моя дочь выйдет за него замуж и станет вдовой? — Ты можешь говорить о своей дочери, а мой сын никогда не проснется! — прорычал Чжан Данью, схватившись за грудь и кашляя. — Лу Дашань, кто это тогда бегал за мной? Она постоянно называла его "братом", и даже сказала, что если Сяоя умрет, то она выберет только Сяолуна... — Дорогой, успокойся, — Лю Мэй поспешила оттащить Чжан Данью, ее голос дрожал. — Учитывая состояние нашего ребенка, как мы можем продолжать помолвку? Не стоит форсировать события. — Если ты хочешь отказаться, то сделай это... — начал было Чжан Данью, но, махнув рукой, пробормотал: — Не думайте, что ваша дочь такая уж ценная. Наш Сяолун — лучший ученый в области золотых наук. Если он проснется, то, возможно, будет смотреть на вашу дочь свысока. Лу Дэшань не обратил внимания на это замечание, но его хитрые глаза блеснули. — Брат Данью, ты был инициатором расторжения брака. Не будем говорить, что Сяоя не желает выходить замуж на стороне. Лю Мэй чувствовала себя беспомощной. В данный момент она не хотела больше спорить. С уходом сына спорить было бессмысленно. — Да, мы инициировали уход. Это приемлемо? — сказала она, подавленно опустив голову. — Это простой вопрос, — Лу Дэшань, словно ожидая этого момента, улыбнулся хитрой, гордой улыбкой. — Согласно обычаям моего родного города, если мужчина расторгает брак, то деньги за помолвку не возвращаются. Чжан Данью и Лю Мэй переглянулись, не веря своим ушам. — Но мы же не просили вернуть деньги за помолвку! Проницательные глаза Лу Дэшаня сверкнули. — Если вы отдадите их мне, я не буду говорить прямо. Так что теперь ты должен заплатить деньги за помолвку. Моя дочь, дочь Лу Дашаня, не может остаться ни с чем. — Что ты говоришь? — Чжан Данью и его жена подумали, что ослышались. — Мы, жители деревни, говорим прямо. Раз мы уже дали согласие на брак Сяоя с Сяолуном, теперь вы должны отказаться. Вы не можете просто вернуть его бесплатно. Считайте, что деньги за помолвку — это компенсация за мою дочь, — усмехнулся Лу Дэшань. — Лу Дашань, ты что, помешан на деньгах? — Чжан Данью понял его намерения и закашлялся еще сильнее. — Или ты думаешь, что меня, Чжан Данью, легко запугать? Ты принимаешь меня за дурака? — Брат Дэшань, ты заходишь слишком далеко. Очевидно, что она пыталась вымогать у него деньги, — Лю Мэй быстро начала массировать спину мужа, успокаивая его. — Мой Сяолун все еще лежит в постели. Даже если бы у него были деньги, он бы тебе их не дал. Твои перепады настроения быстрее, чем перелистывание книги. Не боишься ли ты, что тебя поразит молния? — Ваши слова довольно необоснованны. Ранее вы сами признались в помолвке с моей Сяоя, а затем попросили вернуть деньги. Я даже не просил вернуть деньги за помолвку. И теперь ты обвиняешь нас? Не говоря уже о том, что молнии не видно, даже если бы она и была... Вы все равно были бы парой, — Лу Дэшань, словно играя с огнем, справедливо утверждал, лукаво кося глазами. — К тому же, если твои дети в таком состоянии, зачем тебе столько денег? Лучше отдай их мне. Я буду поддерживать Сяоя, чтобы он хорошо учился. Тогда ты сможешь считать это добрым делом, накоплением хорошей кармы... — Ты... — Чжан Данью задрожал от гнева. — Лу Дашань, Лу Дашань, все говорят, что

тебе нравится разыгрывать других. Ты используешь меня в своих целях. Мне просто понравилась дочь Сяоя, и мы согласились на это. А теперь мой сын лежит в постели из-за того, что вы предложили отменить помолвку, а потом сами же и сделали это. Как вы могли так бессовестно извратить свои слова?— Я говорю по совести. Я говорю все как есть, без прикрас. Я ничего не боюсь, даже если бы мне пришлось бросить вызов небесам, — бесстрашно заявил Лу Дэшань. — Всем известно, что ваша семья занималась многими безнравственными делами. Иначе зачем бы Лэй стал нападать на других, а в итоге пострадал ваш сын? У Чжан Данью и так было слабое здоровье, а эти слова поразили его до глубины души, и у него перехватило дыхание. Он тяжело задышал:— Лу Дэшань, если ты еще раз посмеешь говорить глупости, веришь ли ты, что я не отшлепаю тебя?— Ну, давай! Если я не отшлепаю тебя сегодня, ты станешь моим внуком. Неужели ты думаешь, что ты отец лучшего ученого в Золотой Науке? Да ты просто отец, которого поразила молния! — Лу Дэшань шел вперед, не выказывая никакого страха, и был похож на дохлую свинью, не боящуюся кипятка. Па! Лю Мэй начала атаку, и это была не просто пощечина, она нанесла Лу Дашаню множество ударов по лицу и телу. — Это тебя поразила молния... Ты не имеешь права проклинать нашу семью и наших сыновей..., — прорычала она. Обычно спокойная и уравновешенная, Лю Мэй, казалось, претерпела разительную перемену. Лу Дэшань, и без того худой, стоял в шоке. Лу Дэшань ожидал, что Чжан Данью и его жена будут покорны и смогут воспользоваться ситуацией, чтобы получить деньги перед отъездом. К его удивлению, они не только не дали им денег, но и подверглись шквалу пощечин со стороны Лю Мэй. Лу Дэшань почувствовал себя глубоко оскорбленным.— Если вы хотите снова драться, то я дам вам отпор, — заявил он, почувствовав, что его авторитет рушится на глазах. Несмотря на свой маленький рост, Лю Дашань был мужчиной, и если бы он примет ответные меры, то Лю Мэй окажется в невыгодном положении. Чжан Данью затаил дыхание, собираясь дать совет Лю Мэй, как вдруг раздался громкий удар. Дверь распахнулась, и на пороге появился Чжан Сяолун с ошарашенным видом. — Сяолун? — Чжан Данью и его жена были поражены, решив, что им это приснилось. Лю Мэй, не в силах сдержать нахлынувшие чувства, сжала руку так сильно, что вскрикнула от боли. Чжан Данью, невольно вздрогнув, воскликнул: — Зачем ты меня ущипнула?— Если тебе больно, значит, мой сын действительно проснулся! — прошептала Лю Мэй, слезы ручьем катились по ее щекам. Чжан Сяолун, все еще пребывая в полусне, стоял как вкопанный. Шум за дверью, подобный раскатам грома, вырвал его из забытья. Вскочив с кровати, он, не раздумывая, толкнул дверь. Деревянная преграда с грохотом распахнулась, словно ее снесла невидимая сила. Чжан Сяолун, ошеломленный, застыл на месте. Глядя на почти развалившуюся дверь, он прошептал: — Неужели это сделал человек?— Сяолун, как ты себя чувствуешь? — Лю Мэй, с тревогой глядя на сына, спросила, голос ее дрожал.